

26.10.2004

Леонид Зорин:

«Время интересное, хотя его мало»

Дмитрий БЫКОВ

Леониду Зорину исполняется восемьдесят. За последний год он написал три романа. «Забвение» вышло в «Знамени» в январе этого года, в октябре напечатана «Сансара», а «Завещание графа» анонсировано на март 2005-го. Попутно Зорин не прекращает писать пьесы. Его юбилей будет отмечен в театре имени Ермоловой премьерой «Невидимок».

Жизнь соблазняет мудреца

Пьесы свои он предпочитает называть «Диалогами» – самооценка трезвая, поскольку разговоров там действительно больше, чем действия, и именно в них весь интерес. Зорин написал много – от знаменитых «Гостей», первой «оттепельной» пьесы, стоившей ему небывалого разноса, до стихотворной комической трилогии «Цитата» – «Лузган» – «Опечатка» (грибодовская традиция, как видим, жива – есть еще люди, умеющие писать пьесы в рифму, и притом с великолепной естественной разговорностью). Самые знаменитые его сочинения – «Покровские ворота», «Царская охота», «Варшавская мелодия» – стали театральными хитами, поскольку речь в них идет либо о роковой любви, либо, как в «Покровских воротах» и «Мелодии», о ностальгии. Публика вообще любит все человеческое. Судьба лучших пьес Зорина складывалась не в пример труднее: «Римскую комедию» – она же «Дион», – не уступающую сказкам Шварца, едва успели выпустить на сцену БДТ в гениальной постановке Товстоногова, как немедленно запретили (и запрещали потом при каждом очередном заморозке, так что вахтанговцы, пробившие-таки свой спектакль по этой пьесе, успели вносить поправки). В «Медной бабушке» Ролану Быкову так и не дали сыграть Пушкина – и это стало самой большой его обидой за всю долгую и блистательную карьеру. Быков в пушкинском гриме – эта фотография украшает кабинет Зорина, напоминая ему и о триумфе, и о поражении. «Пропавший сюжет» – самая сильная и точная его пьеса – до сих пор не поставлена полностью (в Париже, правда, шла, но ведь то Париж). Второй акт, дописанный к этой драме два года назад, – редчайший случай, когда сиквел сильнее оригинала. Зорин вообще с годами пишет все лучше – редкий и счастливый дар; дело тут, на-

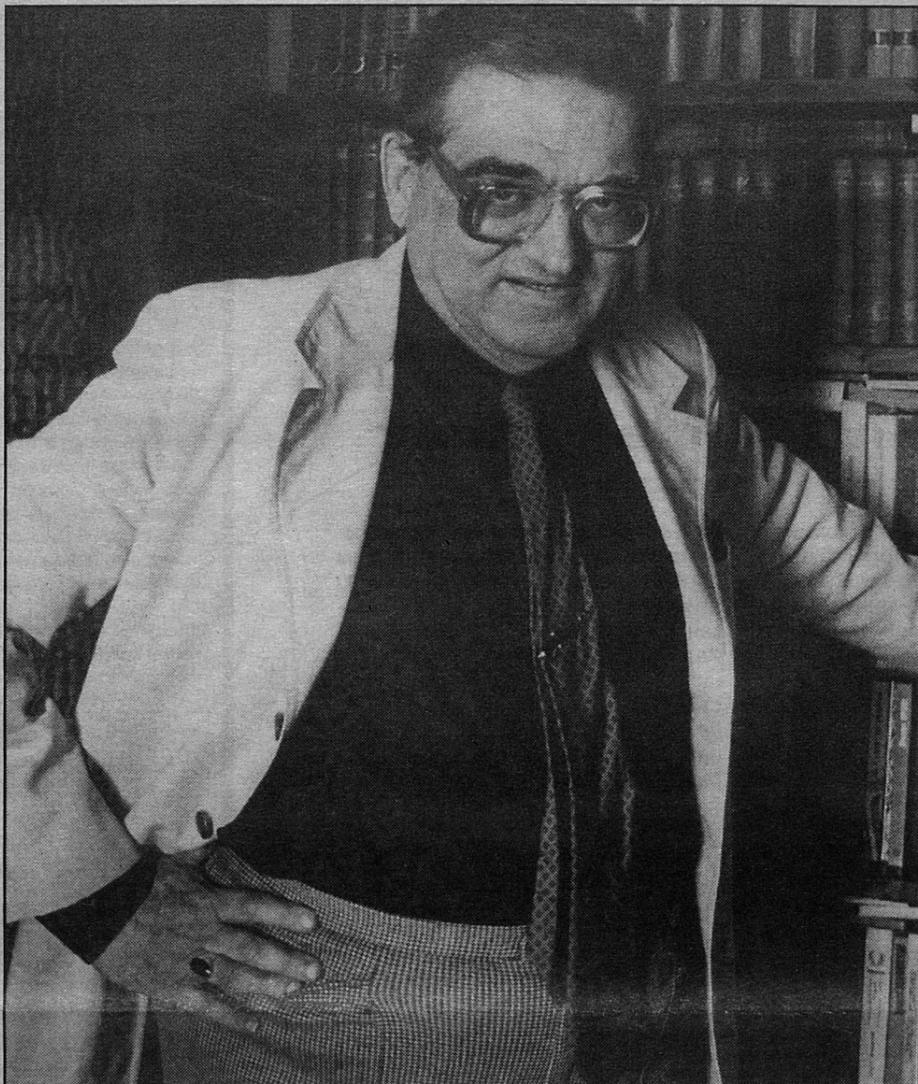

Фото Игоря Иванчикова

верное, в том, что бакинская закуска, восточная мудрость, неторопливость и трезвомыслие помогли ему всю жизнь прожить в одном психологическом возрасте. Он и в тридцать был опытен и сдержан, как сорокалетний, и в восемьдесят остался таким же. Южане умеют ценить жизнь, а потому не оболщались идеями. И этот зоринский гедонизм, к которому можно относиться по-разному, но нельзя отрицать его замечательных художественных результатов, – позволил ему сохранить скепсис относительно того, чем восторгалась все. В зоринском мире политическая свобода – не главное, востребованность и слава вторичны, участие в бурях века рассматривается как моветон. Он наблюдает за человеческими страстями несколько свысока, с прохладцей, отлично сознавая, что единственная страсть, достойная уважения, направлена никак не на абстракцию, а на женщину; впрочем, ему нравится и застолье, и дружеская беседа, и шахматы, и футбол (во всем этом он достиг серьезных успехов).

Но вот что интересно: героев Зорина всегда привлекает именно мятежная, неукротимая женщина – либо террористка, бомбистка, либо диссидентка, либо на худой конец удачливая и рискованная воровка. Все его любовные истории, отлич-

ная повесть «Алексей», пьеса о пропавшем сюжете, трагедия о самозванке Таракановой, даже «Варшавская мелодия» с безумной, гордой и бесстрашной полячкой, – об этом. Так жизнь соблазняет мудреца, и он обречен ей проигрывать. Никакая ироническая мудрость не спасает. Весь Зорин – об этом, и в свои восемьдесят, судя по недавнему роману «Трезвенник», он чувствует эту коллизию ничуть не менее остро, чем в тридцать или пятьдесят.

Разговор накануне юбилея

– Заранее, говорят, поздравлять нельзя, но я все-таки...

– Особенно не с чем. Разве с тем, что дожил. Но в «Транзите» была реплика, которую я сейчас считаю у себя лучшей: «Надо ли заживаться, Танечка?». А ведь Багрову, который это

Зорин – идеальный писатель для тех, кто отлично понимает всю тщету страстей, но не может от них отказаться; писатель для трезвенников, завидующих пьяницам, для добропорядочных служаков, влюбленных в авантюристок, и для интеллектуалов, мечтающих о подвигах

Зорин – идеальный писатель для тех, кто отлично понимает всю тщету страстей, но не может от них отказаться; писатель для трезвенников, завидующих пьяницам, для добропорядочных служаков, влюбленных в авантюристок, и для интеллектуалов, мечтающих о подвигах. «Что мне в чьей-то укоризне? Век прошел, и я давно лишь подыгрываю жизни, как тапер в немом кино», – написал он, оценив себя с избыточной строгостью. Подыгрывать-то подыгрывает... но в голове у этого тапера все равно звучит симфония, только он ее не показывает никому.

говорит, пятьдесят. – А по вам не скажешь, что старость так уж обременительна...

– Обременительна, другой мой. Восемьдесят лет – это очень печально.

– Но пишете вы, однако, больше, чем в юности...

– Потому что у меня мало времени. Это подстегивает. Друзья недоумевают, почему я, в апреле закончив один роман, в июне сажусь за другой. Это каторга, говорят они, и я соглашусь: каторга. Тем более, что «Сансара» – отчасти историческая вещь, там о князе Горчакове, о его, ес-

ли угодно, современной реинкарнации... все это было не так-то легко переплести, хоть я и знаю девятнадцатый век, писал о нем достаточно. Но времени в самом деле может не хватить, и я чувствую необходимость договорить самое главное. Самый главный разговор – всегда в прихожей, когда гости собрались уходить. Я живу с таким самоощущением.

– Надеюсь, у вас еще много недосказанного.

– Пока хватает. Я пишу новую книгу.

– Задам вам не самый простой и отчасти, наверное, обидный вопрос. Вы становитесь актуальными и знаменитыми в застойные, гниловатые времена, а в эпохи бурных перемен, которых повидали достаточно, ваше имя звучит куда более скромно. Почему вы оказались писателем для застоев?

– Потому что не люблю и не умею говорить хором, и когда говорят все – для меня естественно молчать. Я никогда не мог заставить себя стать левым или правым, потому что у меня слишком много несогласий со всеми враждующими сторонами; человек, вынужденный заниматься политикой, вызывает у меня прежде всего сострадание. Я не знаю никого, кому бы это пошло на пользу. Даже нравственным людям вроде Гавела – хорошего, кстати, драматурга, – это скорее во вред. Как говорит герой «Трезвенника», перефразируя известный афоризм, – я не займусь политикой, пока она не займется мной. Наверное, я действительно пишу не для тех, кто способен оболщаться. А бурные эпохи – это всегда времена великих оболщений.

– Что из написанного вам сейчас особенно нравится? Наверняка не «Покровские ворота», успех которых затмил все прочие ваши победы...

– Я люблю и эту пьесу, и замечательный фильм Козакова, – у нас с ним почти совпали юбилеи, только ему семьдесят. Но сейчас он сделал «Медную бабушку», и я ставлю эту его работу даже выше «Ворот». Как и саму пьесу – вероятно, все-таки лучшую из написанного... Еще я, подобно вам, неравнодушен к «Пропавшему сюжету», а из биографических хроник мне нравится «Граф Алексей Константинович». Объективно оценивать написанное не возьмется ни один автор, даже уверенный в своей объективности. Я люблю то, что приятно

было писать. Приятно было делать почти весь цикл о Костике Ромине – в том числе повести «Тень слова» и «Господин друг».

– Кстати, я так и не понял, что случилось с Костиком из «Покровских ворот». У вас о нем написано много, он постарел, стал писателем... а потом на своей даче таинственно исчез.

– Да, «Тень слова» – нечто вроде детектива, как раз об этом. Если внимательно читать, там вполне понятно, куда исчез Костик. Можно сказать, что он перешел в свою прозу, а можно... в общем, там все написано.

– Жизнь вас сводила с мэтрами, гениями, легендами театра, – от Горького, к которому вас привезли бакинским мальчиком-вундеркиндом, до Товстоногова, который считал свой спектакль по «Диону» главной своей удачей...

– Это действительно был самый искрометный его спектакль, говорю как поклонник Товстоногова, видевший почти все его премьеры.

– И кто из этих знакомцев произвел на вас самое большое впечатление?

– Великий режиссер Андрей Лобанов, потерявший из-за меня свой Театр Ермоловой и погибший из-за этого. Из-за «Гостей» его лишили театра, а жить без него он не смог, и я считаю себя виновником его трагедии. Леонид Марков, блистательно игравший во многих моих пьесах, а «Царской охоты» я без него вообще не представляю, это уже другая пьеса... Исаак Бабель, потрясший меня, десятилетнего, невероятным человеческим обаянием. Я понял тогда, что есть мужчины, которым не нужна ни красота, ни импозантность, ни стать – можно просто говорить, как он, смотреть и улыбаться, как он, и никто другой в компании вообще не будет замечен...

– Интересно, а либерализм вам никогда не мешал? Считается, что великие идеи всегда вдохновляют художника...

– Вдохновляться большой кровью – это не просто мерзко, это еще и безвкусно, если уж говорить об эстетике... По-моему, жизнь сама по себе достаточно трагична – хотя бы тем, что у нее есть начало и конец. Каких вам еще источников вдохновения?

– В какое время мы выступаем? – В очень интересное. Опять станет видно, кто чего стоит. Потому-то я и надеюсь, что мне удастся подольше задержаться, чтобы побольше рассмотреть... ■